

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР:
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ И ЭРГОНОМИКИ**

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-15752

Выпуск № 2 (73)* 2015

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ И ЭРГОНОМИСТОВ

Основан в 1999 году

Тематический выпуск

МАТЕРИАЛЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ПСИХОЛОГИЯ И ЭРГОНОМИКА: ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»

ЧАСТЬ I (17–19 сентября 2015 года, г. Тверь)

Издание подготовлено при поддержке РГНФ, грант № 15-16-69501 г/Ц

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

ИНСТИТУТ ЭРГОНОМИКИ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ
АКАДЕМИЯ ПРОБЛЕМ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Главный редактор журнала

В.М. Львов

Редакционная коллегия:

А.Л. Журавлев,

А.Н. Анохин,

В.М. Львов,

А.А. Меденков

Редакционный совет:

Е.А. Евстифеева,

А.К. Зиньковский,

П.И. Падерно,

В.В. Козлов

Технический редактор

И.В. Бахина

Адрес редакции

170041, г. Тверь, ул. Коноплянниковой, 89, ИЭСЭТ.

Тел. (4822) 41-54-72, факс: (4822) 41-54-66

E-mail: ergocentre@yandex.ru

Оформление ООО «Издательство «Триада»

170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, оф. 504, тел./факс (4822) 42-90-22

E-mail: triadatver@yandex.ru, <http://www.triada.tver.ru>

Цена свободная. Тираж 500 экз.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Позняков В.П., Китова Д.А. Pozniakov V.P., Kitova J.A.	
Психологические трудности возрождения и становления предпринимательства в переходный период развития российского общества	4
Psychological difficulties of regeneration and the formation of entrepreneurship in the transition of the russian society	
Сергеев С.Ф. Sergeev S.F.	
Теоретико-методологические проблемы дидактики техногенных сред	10
Theoretical and methodological problems of didactics of man-made environments	
Шорохов Ю. И. Shorokhov Yu.I.	
Сетевые процессы в социально-экономическом развитии	15
Network processes in the socio-economic development	
Сухарев А.В. Sukharev A.V.	
Инновационное развитие и ментальность русской элиты: историко-психологический анализ	20
Innovative development and mentality of russian elite: historical and psychological analysis	
Шорохов Ю.И. Shorokhov Yu.I.	
Куда летит птица-тройка	29
Where the bird-troyka flies or flying to anywhere	
Захарова Н.Л., Ядров К.П., Мельников Т.Н. Zakharova N.L., Yadrov K.P., Melnikov T.N.	
Особенности инновационного знания	35
Features innovative knowledge	
Магазаник В. Д. Magazannik V. D.	
Эргономика и управление бизнесом: возможности и перспективы	38
Ergonomics and business management: opportunities and prospects	
Нестик Т.А., Смолина И.А. Nestik T.A., Smolin I.A.	
Коллективные эмоции при переживании коллективной травмы: состояние и перспективы исследований	43
Collective emotions in experiencing a collective trauma: state and future prospects	
Мазилев В.А. Mazilov V.A.	
Разработка концепции психологического факта	48
Development of the concept of psychological facts	
Мазилев В.А. Mazilov V.A.	
Творчество: типология трудностей в творческом процессе	54
Creativity: types of difficulties in the creative process	
Багрецов С.А., Львов В.М. Bagretsov S.A., Lvov V.M.	
Механизмы самоорганизации функциональной деятельности оператора в человеко-машинных комплексах в ходе принятия решения	56
Self-organizing mechanisms of functional activity of operators in the man-machine complex in the decision making process	
Найченко М.В. Nauchenko M.V.	
Совершенствование эргономического проектирования авиационной техники	61
Improving the ergonomic design of aviation technology	

Багрецов С.А., Львов В.М.

Bagrets S.A., Lvov V.M.

Формирования мотивационных приоритетов поведенческих установок операторов человеко-машинных комплексов (ЧМК) 62
Formation of motivational priorities behavioral operators of human-machine systems (CHMK)

Горюнова Л.Н., Епатко С.С., Третьяков В.П.

Goryunova L.N, Epatko S., S. Tretjakov V.P.

Анализ высказываний субъектов в процессе принятия группового решения 65
An analysis of subjects' statements in the process of group decision making

Авторы выпусках 71

сти организационно-управленческой структуры общества достигнутому уровню научно-технического потенциала и состоянию среды.

- Своеобразным спусковым крючком, запускающим такие механизмы, является недопонимание властями роли сфер деятельности, формирующих потенциал развития: науки, образования, здравоохранения, воспитания и культуры, и, как следствие, их хроническое недофинансирование, а также недооценка роли инфраструктуры взаимодействия перечисленных акторов между собой и со сферами деятельности, которые должны реализовывать этот потенциал – со сферой управления и производства.

- При запуске того или иного механизма саморазрушения общие тенденции изменений таковы: вначале происходит незначительное ухудшение ситуации, которое через некоторое время приводит к запуску вторичного контура саморазрушения, вторичная петля разрушительной обратной связи может запустить третью, четвёртую, и так далее, в результате чего медленные первоначальные изменения перерастают в лавинообразный разрушительный процесс.

- В условиях функционирующего механизма саморазрушения управленческие решения, направленные на устранение его негативных проявлений, могут лишь на время стабилизировать ситуацию, но в принципе не могут остановить процесс разрушения, который может закончиться социальным взрывом.

Таковы основные результаты выполнения первого этапа исследования роли сетевых механизмов в социально-экономическом развитии. Результаты второго этапа, посвящённого более развёрнутому анализу сетевых процессов в диапазоне условий, характерных для современной России, будут изложены в следующей статье.

Литература

1. Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 2002. 217 с.
2. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. М.: София, 2003. 310 с.
3. Матурана У. Биология познания. <http://www.synergetic.ru/autopoiesis/biologia-poznania.html>. Пер. с английского Ю.М. Мешенина. Московский международный синергетический форум. <http://www.synergetic.ru/autopoiesis/biologia-poznania.html>
4. Шорохов Ю.И. Системные, организационные и психологические факторы эффективности организаций/ Пленарный доклад V международной конференции «Психология и эргономика: единство теории и практики», 25–27 авг. 2007 года, г. Тверь // ЧФ: проблемы психологии и эргономики. С. 149–156.
5. Капра Ф. Скрытые связи / Перев. с англ. – М.: София, 2004. 336 с.
6. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. 296 с.
7. Шорохов Ю.И. Куда летит птица-тройка / Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление», 2014. № 1. стр. 25–39.

Сухарев А.В.

Sukharev A.V.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И МЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭЛИТЫ: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ³

INNOVATIVE DEVELOPMENT AND MENTALITY OF RUSSIAN ELITE: HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация. С позиций психологического этнофункционального подхода исследуется ментальность русской элиты. Выявляются этнофункциональные историко-психологические особенности ее развития, в частности, низкая степень включенности в ментальность русской элиты, по сравнению с западноевропейской, архаических дохристианских представлений. Это обуславливает недостаточную психологическую зрелость ментальности современной русской элиты и, в частности, предпочитаемый ею мобилизационный характер принимаемых управленческих инновационных решений.

Abstract. The mentality of Russian elite is investigated on the base of psychological ethnofunctional approach. The ethnofunctional historical-psychological peculiarities of its development are identified. In particular, the low level of presentation in the mentality of the Russian elite of the archaic pre-Christian images, compared to Western European. This causes certain psychological immaturity of mentality of modern Russian elite and, in particular, mobilization character of its innovative solutions in management.

³ Антисайентизм – мировоззренческая позиция, заключающаяся в критическом отношении к науке, её возможностям познания, ее роли в культуре и жизни страны и различающаяся от умеренного отношения до враждебного. Концепции, учения и деятельность радикальной антисайентистской направленности носят обобщённое наименование «антинаука».

Ключевые слова: русская элита, личность, ментальность, мобилизационный и инновационный тип развития, этнофункциональный подход, историко-психологическое исследование.

Keywords: Russian elite, personality, mentality, mobilization and innovative type of development, ethnofunctional approach, historical and psychological study.

В настоящей статье под «русской элитой» понимается социальный слой, принимающий решения в государственном управлении России, т. е. слой, который «... является *правлящим*, так как он занимается управлением и распоряжается ресурсами власти» [21, с. 34]. «Элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Политический класс формирует элиту и в то же время является источником ее пополнения... элита – единая правящая группа общества» [там же, с. 40–41]. Кроме того, следует пояснить, что использование нами понятия «русская элита», в отличие от понятия «российская элита», объясняется тем, что оно включает в себя представление о русской культуре, системообразующей для России в целом, в том числе и для российской элиты.

В исследованиях весьма распространенным является положение о том, что «российская цивилизация», в отличие от западноевропейской, в определенный период своего развития встала на «мобилизационный» путь, тогда как западноевропейская – приняла эволюционное «инновационное» направление [33, с. 138]. Имеется в виду, что инновации в России достаточно типично осуществляются в *мобилизационной форме*, т. е. рывками, а в Западной Европе – эволюционно, более равномерно. Мы придерживаемся определения «мобилизационного типа развития», приведенного А.Г. Фоновым как «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм» [61, с. 71].

В современном понимании задач отечественного инновационного развития мы вполне согласны с П.Л. Капицей, считавшим его важнейшей задачей развития России и состоящем во «*внедрении научных знаний и разработок в жизнь*» (цит. по: [65, с. 189]) (курсив наш – А.С.). В целом история модернизации в России, как «внедрения инноваций и научных знаний», свидетельствует о том, что она осуществлялась скачкообразно, «мобилизационно». Н.М. Морозов, отмечая типичную «чрезвычайность» развития российской цивилизации, пишет: «...начиная с XVI века, под воздействием мощных импульсов Смутного времени, и далее: Петровских реформ; активной внешней политики Екатерины II; восстания декабристов; войн 1812 г., 1853–1856 гг., 1877–1879 гг. и особенно событий XX века, власти периодически тратили гигантские объемы продукции с целью содержания и технологического совершенствования в первую очередь военно-промышленного комплекса страны, снижая тем самым уровень потребления основной массой населения» [31, с. 177]. Важно отметить, что после мобилизационных «прорывов» в России возникали явления, отрицательные для дальнейшего развития, в частности, петровские реформы обусловили «бириновщину», а революция 1917 г. привела к забвению многих исторических традиций и искажению в развитии большинства социо-гуманитарных наук [51]. Внедрение научных знаний и разработок в жизнь (т. е. модернизация) является, на наш взгляд, определяющим в развитии российской ментальности. По мысли А.В. Юревича, она не должна ограничиваться только технологической и социально-экономической сферами [65, с. 192], инновации и перемены в культурно-идеологической сфере являются взаимообусловленными с уже названными [5, с. 225]. Технологическая модернизация представляется утопичной *без социальной и психологической*, включая «нравственную модернизацию», о чем пишут преимущественно психологи [16, 22, 23, 37, 39, 63, 70]. Бесспорно то, что модернизация в нашем обществе должна быть *всесторонней*, хотя понимание этого остается чрезвычайно разнородным и во властных структурах, и в научной среде.

Как подсказывает здравый смысл и вся история модернизации русской ментальности, ее истоком, начальным толчком всегда являлась только *воля русской элиты* и соответствующие управленческие, кадровые решения, определяемые системообразующими изменениями, в первую очередь, в ментальности власти [27].

На наш взгляд, отличие модернизации в России от западноевропейской можно рассматривать с двух основных позиций – хозяйственно-экономической и социально-психологической. Во-первых, традиционно, начиная с работ С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, причиной *специфики* хозяйствования и государственного управления в России полагались особенности ее климатогеографического и хозяйственно-экономического положения. Позже данная идея климатогеографической и, как следствие, хозяйственно-экономической детерминации специфики развития России разрабатывалась в трудах географа П.Н. Савицкого, историков И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, В.Т. Пашуто и других авторов. Во-вторых, взаимодействие России с западноевропейскими странами рассматривалось как *воздействие* на ее ментальность иных «возрастных» ценностей как бы более зрелой западноевропейской ментальности [59].

Инновационный процесс в России, в частности, по мнению Е.В. Алексеевой, с XVIII до начала XX вв. осуществлялся по инициативе власти в форме заимствования западноевропейских технологий и др., которые насаждались насильственно. Исследовательница отмечает, что заимствования явились «... насущной потребностью национального развития, гарантом суверенности державы» [2, с. 38]. Говоря о негативных сторонах модернизации, особенно в социально-психологической сфере, уместно вспомнить замечание О.В. Ключевского, считавшего, что с XVII века *взаимодействие* России и Западной Европы сменилось на *влияние* последней на Россию. Во властных слоях общества возникло осознание «превосходства» западноевропейской культуры и заимствование

не только «житейских удобств», но и «самых основ житейского порядка» [20, с. 241]. Нарастающая западноевропейская ориентация верхушки княжеского сословия соседствовала с «византийской» ориентацией церковных обывателей духовного сословия во главе с патриархом Никоном, что проявлялось даже в бытовых мелочах [18, 25].

Говоря о современной русской элите, в том числе после периодов «перестройки» и реформ конца XX в., она «как была, так и осталась непроницаема для *разночинцев*, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов» [21, с. 82]. При этом у элиты «марксистско-ленинская фразеология сменялась патриотической и славянофильской», но ее «экономические взгляды становились все более рыночными...» [там же, с. 162]. Кадровые назначения по-прежнему основываются преимущественно на личных, идеологических и др., а не профессионально-обусловленных решениях.

В целом, начиная с XVII века, источники инноваций русская политическая элита видела преимущественно в Западной Европе, но не на родине, в России. Кроме того, данная инновационная активность осуществлялась в основном мобилизационно, в меру насущной внешнеполитической или внутренней экономической необходимости. На основании сказанного выше, можно достаточно уверенно предположить, что ментальность современной русской элиты сохраняет данные черты и, возможно, имеет и некоторые свои особенности.

Особо отметим, что если состояние инноваций в естественно-научной области не вызывает сомнений, то их реализация в социо-гуманитарной сфере – социально-психологической, ценностной, идеологической и т. п. является остро актуальной задачей, оставаясь основной проблемной областью.

Как мы уже отмечали, всесторонняя модернизация может иметь и некоторые отрицательные стороны, поэтому она должна быть взвешенной, исторически обоснованной, а научный инновационный подход должен распространяться в широком смысле на социо-гуманитарную, включая ментальную, сферу.

Таким образом, насущной проблемой модернизации ментальности русской элиты является разработка *гуманитарных технологий* на основе *системного* теоретико-методологического подхода [26], учитывающего специфику инноваций в разных сферах (в том числе в ментальности элиты).

Характеристики ментальности современной русской элиты. В исследованиях отмечается, что «проблемой современной российской элиты является ее ... профессиональная неготовность к управлению страной» [32, с. 1256]. Анализ позволяет выделить ряд психологических, а также социальных характеристик современной властной элиты России, которые являются сдерживающими факторами для инновационного развития страны. К нравственным показателям относятся, прежде всего, высокий уровень коррупции [42, 67], приоритет неформальных отношений над формальными при кадровых назначениях, осуществляющихся без учета опыта руководящей работы, профессионального уровня и специализации, а также отсутствие «социальных лифтов» и др. [29; 65, с. 172–178; 66].

В исследованиях отмечается, что, помимо коррупции, в высших эшелонах современной российской бизнес- и политической элиты наблюдаются такие признаки «испарения морали» как «пиры во время чумы» в виде показных ярмарок предметов роскоши и пр. [65, с. 61]. Существенно то, что «отношение к нравственным принципам как к «пережитку» советских времен, как к предрассудкам, которые препятствуют свободе, бизнесу и т. д.» [65, с. 64], формировала в начале 1990-х годов именно элита либерал-реформаторов. Рост криминализации русской элиты, наблюдаемый с начала 1990 г., стал общим предметом разных исследований [65]. В целом нравственную характеристику современной русской элиты можно обобщить как *снижение способности к усвоению* не только христианских ценностей, но и представления об «общем благе», характерного для эпохи Просвещения.

Социально-психологической характеристикой является уже упоминавшееся *предпочтение* при кадровых назначениях на руководящие должности тех «менеджеров», которые получили образование в Западной Европе или США, и, как и ранее, *общая ориентация* русской элиты на копирование зарубежных социальных и инженерных технологий. Психологический смысл такого явления как отбор инноваций по признаку их «зарубежности», а не по содержанию, по нашему предположению, состоит в проявлении у русской элиты как *коллективного субъекта* (подробнее [14], а также см. ниже) *низкого уровня саморефлексии*, выраженной *социальной установкой* на западноевропейский путь развития, причем «во что бы то ни стало», и служит косвенным показателем изменения качества мыслительных процессов. Данное изменение может, предположительно, интерпретироваться как наличие у субъекта эмоционально-чувственного торможения когнитивных процессов, что, в частности, может быть проявлением его недостаточной психологической зрелости [60]. Высочайшая значимость этого состоит в том, что качество государственного управления является, по мнению исследователей, самым главным *фактором жизнеспособности* страны.

Анализ исследований, отмечает А.В. Юревич, показывает, что «наблюдаются признаки снижения творческого потенциала нации, точнее, уровня его проявлений ... отмечается процесс деинтеллектуализации общества» [65, с. 200], контрастирующий с советскими временами.

К психологическим характеристикам в наиболее «чистом» виде можно отнести «антисаентистский⁴ настрой представителей власти» [65, с. 196] как *внутреннее сопротивление* внедрению «научных знаний и разработок в жизнь» (курсив наш – А.С.). Характеризуя общую инновационную атмосферу в России, А.В. Юревич различает

⁴ Антисаентизм – мировоззренческая позиция, заключающаяся в критическом отношении к науке, её возможностям познания, ее роли в культуре и жизни страны и различающаяся от умеренного отношения до враждебного. Концепции, учения и деятельность радикальной антисаентистской направленности носят обобщенное наименование «антинаука».

саму инновационную активность и управление ею [65, с. 195]. Автор приводит показатели патентной активности на открытия и изобретения – 6-е место в мире, а лицензирование составляет лишь 5–6% [68]. По нашему мнению, данный показатель отражает отношение к инновациям отечественного происхождения со стороны русской элиты, которое можно охарактеризовать поговоркой «нет пророка в своем отечестве», согласно расхожему мнению, что «все уже придумано на Западе». Непосредственно сталкиваясь с процедурой подачи заявок и патентования, позволим себе сделать предположение, что, в случае поддержки процедуры патентования со стороны русской элиты законодательно и организационно, показатели патентной активности в нашей стране возросли бы кратно. Интересно, что инновационная атмосфера, характерная для западных стран, описывается исследователями следующим образом: «в довольно широких слоях < общества, причастных к науке, производству и сервису, в аппарате управления формируется определенный настрой на новаторские подходы, улучшения условий труда и жизни, формируется оптимистический взгляд на будущее, ... социальный оптимизм» [1, с. 156]. Основываясь на сказанном, отметим, что инновационная активность в России, конечно, имеет место, но на государственном уровне и в масштабах страны она управляется неэффективно.

В связи со сказанным выше, целью настоящей статьи является анализ социально-психологических условий формирования у властных слоев России особенностей ментальности, препятствующих инновационному развитию.

Основные понятия и методы исследования

Мы полагаем, что российская элита как властный социальный слой, управляющий государством, имеет, в соответствии с представлениями А.Л.Журавлева, определенные *признаки коллективного субъекта* – взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в данной группе, способность к совместной активности и в определенной мере способность к саморефлексии [14].

В определении понятия ментальности субъекта (индивидуального, группового или общественного) в настоящем исследовании существенно то, что в нем рассматривается *изменяющаяся пространственная* составляющая как отображение среды в представлениях субъекта, что активно изучается в социальной психологии и психологии личности [17, 24, 40, 41], *изменяющаяся историческая или временная* составляющая (представления субъекта о содержании и последовательности стадий собственного развития) и неизменная (но определенная лишь относительно других субъектов) *трансцендентная* составляющая. Каждый субъект имеет свой идеальный прообраз развития – «архегению» [50]. Для нашего исследования важно, что, в отличие от других определений ментальности, рассматривается ее «слоистая» структура как образные и трансцендентные компоненты, соответствующие содержанию последовательных исторических этапов развития *этносреды*⁵. Существенной характеристикой ментальности является ее *направленность*, которая определяется *ведущими представлениями*⁶ [там же].

Теоретико-методологические основания исследования

В анализе ментальности русской элиты мы использовали *этнофункциональный подход* в психологии, опирающийся одновременно на гуманитарные и естественно-научные методы [64, с. 101–106], который А.Л.Журавлевым оценивается как разрабатываемый и развивающийся в настоящее время [12, 15, 69] и в котором те или иные представления, отношения, суждения, ценности и пр. наделяются этноинтегрирующей и этнодифференцирующей функциями [46]. Также мы опирались на результаты ряда экспериментальных исследований, в том числе и выполненных на основе этнофункционального подхода. Помимо принципа этнофункциональности, в настоящей работе использовался принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма. Согласно данному принципу, *этапы развития русской ментальности* определяются по ведущим представлениям – языческим (фетишизм, анимизм, героизм, по А.Ф. Лосеву), христианским, идеям просвещения (идеи науки, общего блага), а также этапа этнической маргинальности и проектируемого будущего этапа развития. Данные этапы аналогичны *стадиям развития личности* в русской этносреде: природной, сказочно-анимистической, религиозно-этической (наднациональной), просвещения, этнической маргинальности и проектируемой. Диагностика развития в данном подходе осуществляется методом *структурированного этнофункционального интервью* [46], удовлетворяющим основным стандартным требованиям, предъявляемым к такого рода методам в современной психологии [36, 43, 44].

Оптимизация развития личности заключается в процессе приближения ее к идеальному прообразу (этнофункциональной архегении конкретной этносреды) по т. н. *этнофункциональным критериям*. При этом качество развития определяется по показателям, относящимся к *междисциплинарному внепсихологическому уровню* исследования [11, 15, 38, 46]. Для анализа развития ментальности русской элиты использовались результаты эмпирических этнофункциональных исследований поведения индивидуального субъекта, которые в соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма были приняты за основу в интерпретации поведения русской элиты как коллективного субъекта в ее нравственном и интеллектуальном измерениях.

Некоторые результаты этнофункционального анализа развития ментальности субъекта.

Готовность человека к полноценному усвоению нравственных ценностей обуславливается социокультурным содержанием, которое, согласно Л.С. Выготскому, в процессе развития личности «интериоризируется» из социу-

⁵ Этносреда отображается в системе представлений субъекта: природно-географических (ландшафт, климат, флора, фауна), культурно-психологических, антропо-биологических и трансцендентных, т.е. не воспринимаемых нашими органами чувств (о Боге, духах природных стихий и явлений, духовных сущностях различных религий).

⁶ Ведущими представлениями ментальности общества на данном этапе развития этносреды называются те, которые в результате историко-психологической реконструкции определяются как детерминирующие ход исторического развития и подготовившие следующий его этап.

ма. Он полагал также, что «степень развития есть степень превращения динамики аффекта, динамики реального действия в динамику мышления» [7, с. 252], а самым важным фактором психического развития признавал формирование функциональных связей между отдельными психическими процессами, прежде всего интеллектуальными и эмоциональными. Выготский рассматривал «единство аффекта и интеллекта» как условие развития *самосознания личности* и в то же время как его результат. В свою очередь, «единство аффекта и интеллекта» создает основу для формирования таких новообразований «как убеждения, представляющие собой не что иное, как знание, ставшее мотивом поведения и деятельности человека» [4, с. 188]. С одной стороны, отсюда следует, что формирование зрелой нравственности предполагает определенную степень зрелости личности и базируется на убеждениях, «фундированных» функциональным взаимодействием эмоциональной и интеллектуальной сфер. С другой стороны, данное взаимодействие, по Выготскому, обеспечивает необходимую степень развития, которая связана с превращением «динамики аффекта, динамики реального действия в динамику мышления» [7, с. 252].

Таким образом, формирование нравственных убеждений и мышления, по Выготскому, есть следствие развития личности, являющегося, в свою очередь, результатом *интериоризации* социокультурного содержания и формирования функциональных связей «аффекта и интеллекта». Имеются исследования, подтверждающие, что степень психического развития связана и в ряде случаев обусловлена *гармонизацией взаимодействия* когнитивной и эмоционально-чувственной сфер личности [3, с. 22–23]. Наши эмпирические и, в частности, экспериментальные исследования с позиций этнофункционального подхода также подтверждают приведенные выше теоретические положения. Недостаточный контроль над эмоционально-чувственной сферой и отсутствие ее гармоничного взаимодействия с когнитивной сферой связаны с низким уровнем репродуктивного и творческого интеллекта (по методикам Торренса и Роршаха) и наоборот [6, 53, 55, 58, 63 и др.]. Также имеется ряд исследований, подтверждающих обусловленность степени усвоения личностью нравственных норм и снижения склонности к криминальному, делинквентному и противоправному поведению качеством взаимодействия когнитивной и эмоционально-чувственной сфер [10, 49, 56, 57]. Это, в определенной мере, подтверждает наличие взаимосвязи когнитивных процессов и эмоциональной сферы, закрепленной в понятии «эмоциональный интеллект», а также связи интеллекта с нравственностью, обозначенной используемым понятием «нравственный интеллект» [16, с. 225].

В то же время исследования показывают не только связь, но и обусловленность развития личности (по показателю степени гармоничности взаимодействия ее когнитивной и эмоционально-чувственной сфер) оптимизацией ее этнофункционального развития. В свою очередь, данная оптимизация обеспечивает повышение уровня репродуктивного и творческого интеллекта, а также качества усвоения нравственных норм (по показателю отношения к заповедям Закона Божьего) и снижение склонности к совершению правонарушений и делинквентному поведению. Оптимальное развитие на природной, сказочно-анимистической и религиозно-этической стадиях предполагает способность личности к органичному усвоению научных представлений и представления об «общем благе», зародившихся в эпоху Просвещения. Причем важнейшими факторами искажения этнофункционального развития личности, обуславливающими ее несколько пониженную психологическую [60] и социально-психологическую [13] зрелость, являются искажения развития по показателям наличия в воспоминаниях этнодифференцирующих представлений о природе или отнесение в воспоминаниях этноинтегрирующих представлений к возрасту после 5 лет, а также отсутствие в воспоминаниях сказочно-анимистических представлений о природе (в народных сказках), относимых к возрасту до 5 лет [10, 46, 49, 57 и др.]. В исследованиях показано, что неполноценное усвоение нравственных норм и склонность к совершению правонарушений могут рассматриваться в качестве проявлений психологической незрелости, в частности, в форме «криминального инфантилизма» [45].

Краткий этнофункциональный историко-психологический анализ развития ментальности русской элиты.

Ранее проведенный нами анализ показал, что в XIII веке в ментальности русской элиты начали происходить существенные изменения [48]. И.Я. Фроянов говорил о существовании на Руси XI – первой половины XIII вв. «двоеверия» как оязыченного христианства и, наряду с ним, язычества, при том, что мировоззрение древнерусского общества преимущественно определяло язычество [62, с. 221–222]. С начала монгольского завоевания в результате совместных действий княжеской и духовной власти (митрополиты-греки), при военно-политической поддержке ордынских ханов была существенно подавлена дохристианская русская культура (язычество) в различных своих проявлениях. В частности, характеризуя древнерусскую письменность, Г.М. Прохоров заключает, что «русский фольклор, вплоть до Нового, если не до Новейшего времени, так и не был допущен народом в материалы письма» [35, с. 130]. После XIII века, отмечает автор, «ушла из жизни значительная часть языческих традиций, имевших наибольшее отражение в письменной литературе, – традиций княжеского рода... Остаткам языческой культуры на Руси золотоордынское иго причинило, кажется, более серьезный урон, чем церковной вере» [35, с. 130–131]. В письменных и археологических источниках после монгольского периода на Руси, как отмечает ученик И.Я. Фроянова Л.Р. Прозоров, уже не встречается упоминаний или материальных следов городских капищ [34, с. 269 и др.]. Вполне возможно, что это могло быть связано с тем, что ханские ярлыки обеспечивали духовной и княжеской власти полную свободу действий: «ярлыки освобождали духовенство и церковных людей от всякой ответственности перед властями и судами гражданскими во всех делах...» [28, с. 200]. При этом силовая поддержка тоже была обеспечена: «кто веру их (русских) похулит или ругается, тот ничем не извинится и умрет

злою смертью» [Там же, с. 201]. Естественно, что главными хулителями христианской церкви были язычники – волхвы и их единомышленники, имевшие широкую поддержку как минимум среди сельского населения. В связи со сказанным становится весьма вероятным, что духовенство расправилось со своим идеологическим противником – русским язычеством – с помощью ханского воинства, за которое митрополиты «возносили молитвы» [Там же, с. 202]. Н.М. Гальковский, официальный историк русской православной церкви, заключает: «... греки и римляне в течение многих веков после принятия христианства еще помнили свое старое язычество, а в эпоху возрождения наук и искусств в Италии в некоторой мере возродилось и старое язычество...» [8, с. 130]. В то же время на Руси «через два-три века после князя Владимира помнили, да и то плохо, имена своих древних богов, тогда как в Италии через тысячу с лишним лет после официального торжества христианства память о древнем язычестве была достаточно сильна. Русские значительно скорее забыли свое язычество» [Там же, с. 130–131]. И, естественно, в наибольшей степени процесс подавления языческой составляющей русской ментальности коснулся именно княжеского и духовного сословий – русской элиты.

Отметим для сравнения, что «древнее язычество» сохранялось в письменных источниках не только в Италии. Начиная с VI века, в кельтской Ирландии монахи-скриптории записывали родные руны в христианские тексты, а германские древности в XIII веке увековечил знаменитый Снорри Стурлусон. Таким образом, сравнительный анализ включенности языческих представлений в русскую и западноевропейскую ментальность дает основание говорить об их существенном преобладании в письменной, и, потенциально, в образовательной западноевропейской культуре [50].

В дальнейшем, как показывает анализ историографической литературы, в XVII веке указами царя Алексея Михайловича была осуществлена очередная кампания по искоренению язычества во всех его проявлениях – против «сказок», скоморохов, пива (сакральный древнерусский напиток, постепенно замещавшийся «внеконфессиональным» хлебным вином – водкой) в рамках движения «боголюбцев». В XVIII веке реформы Петра I в значительной степени остановили репрессии против русского язычества и язычества вообще. Духовенство, в силу особенностей реформаторской политики царя Петра I, уже в незначительной степени, но все же могло ограничивать проявления русского язычества, чего нельзя сказать об иностранных влияниях. Указ царя о веротерпимости от 1702 г. на деле касался лишь западноевропейских конфессий. Вследствие этого в высшие властные слои начали активно проникать этнодифференцирующие западноевропейские представления, хотя началось это проникновение еще с середины XVII в. [48, 51]. Лишь в первой половине XIX века, в значительной степени благодаря гению А.С. Пушкина, русская элита вновь открыла для себя *истоки ментальности* своего народа не только в его православной ипостаси, как это сделали славянофилы, но и в дохристианской [52].

После октябрьской революции 1917 г. в ментальности новой советской элиты русская языческая составляющая начала вытесняться на новом витке «борьбы с суевериями», теперь уже вместе с христианскими представлениями. Трансформации 1990-х годов опять открыли «шлюзы» не только для русских, но и, в основном, для этнодифференцирующих западноевропейских сказочно-анимистических (и не только) представлений. Кроме того, у подрастающего поколения, вследствие развития туризма, торговли, изменений в системе образования и политике СМИ, стала нарастать степень включенности в образную сферу личности [9] этнодифференцирующих представлений о природе. Подчеркнем, что во всех указанных выше исторических периодах вытеснение русских сказочно-анимистических (языческих) представлений в наибольшей степени касалось именно ментальности русской элиты и, что существенно, – всей системы образования [50].

Мы полагаем, что наиболее выраженная мобилизационно-инновационная *трансформация ментальности* русской элиты после XVI века была осуществлена в эпохи преобразований Петра I (жесткое введение в русскую ментальность идей Просвещения) и октябрьской революции 1917 года (не менее жесткое введение марксистской политэкономии как основы социального и культурного строительства). В данные исторические периоды русская элита делала очередные прорывы к овладению достижениями эпохи Просвещения – прежде всего овладению научными представлениями и представлением о нравственном понимании «общего блага». На первый план все более выходила направленность на государственное и социальное строительство. Важно, что именно в эпоху Петра I в России появились школы в современном значении слова (как проводники идей Просвещения), а советская власть добивалась всеобщей грамотности и постепенно вводила *обязательное* школьное обучение различного уровня. Известны ставшие крылатыми слова Феофана Прокоповича, ученого монаха и сподвижника царя Петра I: «Пусть просвещение волнует век». Проблема модернизации русской ментальности, необходимости безотлагательного внедрения инноваций и научных знаний в процессе развития системы образования в очередной раз, начиная, как минимум, с начала XVI века, с призыва епископа Новгородского Геннадия о необходимости училищ на Руси, с особой актуальностью встает перед российским обществом в наше время. Обращение Геннадия Новгородского вспомнили и на Стоглавом соборе 1551 г., его фактически подхватили и византийские патриархи в середине XVII века, когда, ознакомившись с уровнем оснащённости русского общества идеями Просвещения, они почти по-ленински заговорили о необходимости училищ, училищ и еще раз училищ [19, с. 61]. Непосредственные причины низкого уровня внедрения в ментальность общества научных представлений в различные исторические периоды развития России были разными, но достаточно явно просматриваются и некоторые общие закономерности.

Обсуждение результатов.

Анализ исторической динамики ментальности русской элиты показывает, что посредством содержания образования из нее постепенно вытеснялась русская языческая составляющая и заменялась преимущественно этнодифференцирующими сказочно-анимистическими западноевропейскими представлениями, а в последние 25–30 лет – этнодифференцирующими представлениями о природе. С позиции принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма такие изменения в ментальности, особенно если они обеспечены содержанием образования в возрасте до 5 лет, обуславливают у того или иного коллективного субъекта снижение гармоничности взаимодействия когнитивной и эмоционально-чувственной сфер и нарастание тревоги. Вследствие данных изменений традиционное психическое развитие субъекта неизбежно трансформировалось. Формировались отдельные черты *психологической незрелости*, в частности, тревожность, обуславливающая неоправданное доверие к привычным с детства этнодифференцирующим представлениям и суждениям, сниженный уровень репродуктивного и творческого интеллекта, а также нравственности, невыраженная способность к усвоению представления об «общем благе» как проявление незрелого эгоизма. Согласно И.Ф. Марковской, психологическая незрелость может проявляться в общей психической неустойчивости, несамостоятельности в поведении и мышлении, внушаемости, слабом эмоциональном контроле в сочетании с силой эмоциональных реакций, снижении качества взаимодействия мышления, чувств и эмоций; в интеллектуальном плане – в недостаточной способности к обобщению и др. Это не исключает наличия хитрости и ловкости в достижении своих целей при относительно низком развитии высших эмоций и чувств, связанных с прочностью усвоения моральных норм, способностью испытывать чувство стыда и т. п. [30, с. 46–62, 70–73].

Проявления недостаточной самостоятельности, нерелексируемой зависимости от западноевропейских ценностей и «идеала», невыраженной нравственной зрелости, снижения качества взаимодействия мышления, эмоций и чувств и т. д., как было показано выше, в исследованиях описываются в качестве типичных характеристик современной русской элиты, препятствующих принятию ею адекватных вызовов времени управленческих решений в целом и направленных на инновационное развитие России, в частности. Сюда же можно отнести криминализацию русской элиты, рост коррупции, признаки «испарения морали», которые могут рассматриваться как проявления «криминального инфантилизма» [45].

Такая особенность функционирования русской элиты как мобилизационный характер освоения «инноваций», с позиций историко-психологического этнофункционального анализа, также объясняется ее невыраженной психологической зрелостью и связанными с нею признаками: недостаточно гармоничное взаимодействие когнитивной и эмоционально-чувственной сфер, импульсивность, эмоциональное искажение и торможение когнитивных процессов, неспособность планирования на длительные сроки, тем более, превышающие длительность отдельно взятой человеческой жизни [51]. Это объясняет *отсутствие внутренних психологических условий в ментальности русской элиты, необходимых для оптимального сочетания мобилизационного и эволюционного типов принятия ею управленческих решений.*

Заключение

Изложенный в настоящей статье этнофункциональный подход к анализу ментальности русской элиты, в частности, такого ее качества как «инновационность» и тенденция к «мобилизационным» управленческим решениям, по сравнению с ранее применявшимися подходами, имеет ряд преимуществ. Во-первых, данные качества рассматриваются системно в связи с такими ее особенностями как разные виды зрелости, включая психологическую и социально-психологическую, содержание ментальных представлений, развитие нравственности и др. Во-вторых, впервые проблемное поле причин низкого уровня инновационности анализируется в ментальности общества а) в историко-психологической ретроспективе, б) в исторически длительном периоде, начиная с XIII века, в) с позиций *исторически актуальной* [47] этнофункциональной методологии, учитывающей развитие ментальности социальных слоев русского общества в системе их представлений как коллективных субъектов: ландшафтно-климатических, антропо-биологических, культурно-психологических, трансцендентных (духовных). Одним из результатов этнофункционального историко-психологического анализа является установление крайне низкой степени представленности в ментальности русской элиты *этноинтегрирующих* архаических сказочно-анимистических вторичных образов, по сравнению с этнофункционально более однородной западноевропейской ментальностью [50].

Незатронутым остается традиционный, но тем не менее важнейший вопрос: что делать? В настоящей статье нет возможности обстоятельно углубляться в данную проблему. Однако, как мы уже неоднократно отмечали, главное направление ее решения состоит в радикальной трансформации существующей системы образования с позиции и учетом ее этноинтеграции, в особенности на дошкольном и раннем школьном возрастных этапах. Отечественная система образования в настоящее время в очередной раз хаотично реформируется, вне учета результатов глубокого научного анализа проблемы, но исключительно по западноевропейским шаблонам. Наши исследования показывают, что необходимо последовательное изменение содержания образования в целом [46, с. 159–163, 437–472 и др.], планируя его постепенную этноинтегрирующую трансформацию на период не менее 25 лет, т. е. до более-менее полного созревания личности. Наибольшее внимание к содержанию и последовательности этноинтегрирующих изменений, согласно нашим исследованиям, следует уделять включению в содержа-

ние образования детей до 7–8 лет из всех слоев населения этноинтегрирующих сказочно-анимистических и природных представлений. Это обеспечит минимальную базу для оптимизации психологического развития не только общества в целом, но и типичных представителей русской элиты, гармонизации взаимодействия когнитивной и эмоционально-чувственной сфер человека. Это создаст условия для более органичного усвоения нравственных норм, формирования научных представлений, представления об «общем благе», преодоления «антисаиентизма» русской элиты, а также повышения уровня творческого интеллекта, необходимого для принятия инновационных управленческих решений. *Основной принцип трансформации системы образования – эволюционное развитие*: от этноинтеграции ментальности русской элиты, далее, русской ментальности и, наконец, российской ментальности как совокупности этнических ментальностей России [46, с. 453–456].

При этом существенно, что кадровый отбор в управляющий социальный слой России не должен осуществляться по принципам: «одноклассников», «земляков», «по личной симпатии», «национальному», «европейского (или американского) образования», не говоря уже о коррупционной основе (за взятки), которые препятствуют реализации приоритетного *принципа профессиональной пригодности*. На практике первичный отбор кадров, обеспечивающий такие базовые для элиты качества как творческий интеллект, высокий нравственный уровень и приоритет интересов «общего блага», должен ориентироваться на: 1) получение преимущественно этноинтегрирующего образования в его реформированной отечественной системе; 2) высокий профессионализм, опыт работы и творческих решений в конкретной сфере управления; 3) высокий нравственный уровень; 4) наличие финансовых, экономических, семейных и конфессиональных интересов в России.

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. М.: ИНИОН РАН, 2005.
2. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007.
3. Беспалько И.Г., Раева М.Н. О применении метода Роршаха в изучении возрастных особенностей психического развития // Медико-психологические аспекты реабилитации детей с психическими заболеваниями. Л.: Медицина, 1978.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Воронеж: НПО МОДЭК, 2001.
5. Ващенко В.П. Инновационная политика и проблема развития национальной инновационной сферы // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад Издательский дом 2006. С. 219–226.
6. Выдрин Е.А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Педагогика, 1983.
8. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Репринт. Т. I. М.: ИНДРИК, 2000. С. 130–131.
9. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Институт психологии РАН, 2007.
10. Грачев В.С. Этнофункциональный аспект развития образной сферы у подростков склонных к делинквентному поведению // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 139–145.
11. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
12. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
13. Журавлев А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
14. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: Основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
15. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
16. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственная элита в современном российском обществе: социально-психологический аспект // Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
17. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
18. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М.: Церковь, 1995.
19. Каттерев П.Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004.
20. Ключевский О.В. Курс русской истории. Соч. в 9 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
21. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
22. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
23. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Нравственная элита в российском обществе: основные признаки и функции // Наука. Культура. Общество. 2010. № 2. С. 42–49.

24. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 45–56.
25. *Кутузов Б.П.* Церковная «реформа» XVII века. М.: Изд-во «Третий Рим», 2003.
26. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
27. *Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л.* Психология и управление. М.: Знание, 1978.
28. *мтр. Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 3. М.: Издательство Спасо-Преображенского монастыря, 1995.
29. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
30. *Марковская И.Ф.* Задержка психического развития. М.: Изд-во «Компенс-центр», 1995.
31. *Морозов Н.М.* Мобилизационный тип развития российской цивилизации // Вестник Томского гос. университета. 2011. № 2 (14). С. 175–184.
32. Национальная идея России / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1–3. М.: Научный эксперт, 2012.
33. *Пахомов П.В.* Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. 2007. № 4. С. 131–140.
34. *Прозоров Л.Р.* Язычники крещеной Руси. М.: Эксмо, 2006.
35. *Прохоров Г.М.* Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010.
36. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
37. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
38. Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
39. *Семенов В.Е.* Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 60–70.
40. *Соина И.А., Журавлев А.Л.* Субъективная значимость других людей в социально-психологическом пространстве самоопределяющейся личности // К.К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 188–210.
41. *Соина И.А., Журавлев А.Л.* Роль ценностных ориентаций личности в формировании ее социально-психологического пространства // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 218–226.
42. *Соснин В.А., Журавлев А.Л.* Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4 (67). С. 6–16.
43. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2008.
44. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
45. *Сочивко Д.В.* Криминальный инфантилизм. М.-Рязань: Академия ФСИН России, РГМУ им. И.П. Павлова, Высшая школа психологии, 2014.
46. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
47. *Сухарев А.В.* Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 123–132.
48. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества с конца X по XVII вв. // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
49. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ психической адаптированности коренных народов Камчатского края: чукчей, коряков и русских камчадалов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 36–50.
50. *Сухарев А.В.* Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII веках: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014а. Т. 35. № 2. С. 129–140.
51. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XVII – начала XVIII вв. // Пространство и время. 2014б. № 4 (18). С. 134–143.
52. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ ментальности А.С. Пушкина в историческом развитии России / Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014в. Т. 5. Вып. 1. Часть 1. Ссылка от 02 марта 2014 г. ac.space-time.ru/assets/files/Tom%205%20Vip%201/рубр2_ст1_СухаревАВ_2014.pdf
53. *Сухарев А.В., Кравченко О.Ф., Овчинников Е.В., Тимохин В.В., Шанорева А.А., Щербак С.Ю.* Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68–80.
54. *Сухарев А.В., Грачев В.В.* Роль восстановления этноинтегрирующих образов природы в профилактике делинквентного поведения у подростков // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 47–58.
55. *Сухарев А.В., Неверова Т.В.* Роль психологических этнофункциональных факторов в повышении уровня мотивации к учению у подростков // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 81–91.

56. Сухарев А.В., Чулисова А.П. Роль представлений о природе в процессе этнофункционального воспитания нравственного и здорового образа жизни у осужденных за насильственные преступления // Психическое здоровье. 2012. № 7. С. 46–53.
57. Сухарев А.В., Чулисова А.П. Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
58. Тимохин В.В. Этнофункциональный аспект психического развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
59. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2003.
60. Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
61. Фомотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.
62. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007.
63. Шапорева А.А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
64. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
65. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
66. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
67. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.
68. UNESCO science report 2010. The current status of science around the world. Paris: UNESCO Publ., 2010.
69. Zhuravlyov A. The main tendencies in psychological investigations conducted by the Institute of psychology of the Russian academy of sciences (RAS) // Social Sciences. 2008. Т. 39. № 2. P. 109–128.
70. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B. The Moral Elite in Contemporary Russian Society: The Sociopsychological Aspect // Russian Studies in Philosophy. 2013. Vol. 51. Spring. № 4. P. 26–50.

Шорохов Ю.И.

Shorokhov Yu.I.

КУДА ЛЕТИТ ПТИЦА-ТРОЙКА

WHERE THE BIRD-TROUYKA FLIES OR FLYING TO ANYWHERE

Аннотация: На основе анализа размышлений и высказываний выдающихся мыслителей различных времён о причинах неблагоприятных явлений в жизни общества установлено, что тенденции и результаты развития современной России обусловлены нелинейным, сетевым взаимодействием и взаимовлиянием выбранных властью целей и приоритетов развития, степенью эгоистичности и корыстолюбия общества, состояния науки, образования, культуры и нравственности, степени консолидации и демократизации общества. Показано, что сегодняшнее состояние России близко к точке притяжения или аттрактору, куда с неизбежностью попадёт любое общество, в котором успех государства и личности оценивается объёмом получаемых материальных благ, основным направлением развития провозглашается технико-технологическое развитие, а население неспособно или не имеет возможности контролировать действия власти.

Abstract: Based on the analysis of reflections and statements of eminent people of the various historical periods about the reasons of negative social phenomena, the author reveals the key factors which have determined the tendencies and the results of modern Russia's development. The author shows that modern Russia's plight tends to the attractor. The attractor is a place where every society gets when the success of the state and personality is evaluated at the number of material values, the line of development is technical and technological development, people can't or unable to control government's actions.

Ключевые слова: траектория развития общества; культура; наука; образование; аттрактор; точка бифуркации.

Key words: development pathway of a society; culture; science; education; attractor; bifurcation point.

Введение

Ситуация, в которой оказалась современная Россия, не нова – чиновничий беспредел, коррупция, падение нравственности, снижение качества жизни большинства населения и появление небольшой группы сверхбогатых